

Впервые рассказ Артура Конан-Дойля был опубликован на русском языке в журнале «Вокруг света» № 8 за 1929 год.

Профессор Чэлленджер был в прескверном настроении. Голос его гудел и разносился по всему дому. Стоя у дверей профессорского кабинета, я выслушал следующий монолог:

— Нечего сказать, ошибочный звонок! Второй за сегодняшнее утро! Вы воображаете, по-видимому, что человека науки полагается

отвлекать от важной работы постоянным вмешательством какого-то идиота, сидящего на другом конце телефонного провода? Я не потерплю этого! Тотчас же пошлите за управляющим вашей бездарной телефонной лавочки! Он отсутствует? Так и надо было ожидать. Я привлеку вас к суду, если это снова повторится. Ведь вынесли же об-

винительный приговор поющим петухам. Это я добился их осуждения. А ваши телефоны, которые трезвонят без толку, ничуть не лучше петухов. Все обстоятельства мне ясны. Письменное извинение? Очень хорошо, я рассматриваю его. Доброго утра!

В этом месте монолога я осмелился войти в кабинет. Момент оказался весьма неблагоприятным. Я предстал перед Чэлленджером, как раз когда он повернулся от телефона. Огромная черная борода оцетинилась, внушительная грудь высоко вздымалась от негодования, высокомерные глаза уничтожали меня, а уста его изливали остатки злобы.

— Дьявольские, ленивые негодяи, зря им деньги платят! — гудел он. — Мне было слышно, как смеялись эти телефонистки, пока я излагал мою вполне справедливую жалобу. Они сговорились изводить меня. А тут еще являетесь вы, мой юный друг, чтобы завершить это злополучное утро. Разрешите спросить: вы здесь по собственному почину или же ваша редакционная рвань поручила вам проинтервьюировать меня? Как друг, вы пользуетесь особыми привилегиями, но если вы явились как журналист, я вас выставляю за дверь!

Я шарил в своем кармане, ница письмо Мак-Эрдля, но в это время в памяти Чэлленджера всплыла еще одна свежая обида. Он порылся большими волосатыми руками в наваленных на письменном столе бумагах и, наконец, извлек газетную вырезку.

— Вы были достаточно любезны, упомянув обо мне

в одном из ваших недавних ночных творений, — сказал он, потрясая вырезкой, — начав один из абзацев словами: «Профессор Дж. Чэлленджер, один из величайших современных ученых».

— Ну и что же, сэр? — спросил я.

— К чему эти одиозные определения и ограничения? Не назовете ли вы мне тех других выдающихся людей науки, которых вы ставите наравне со мной или даже выше меня?

— Я плохо выразился. Конечно, мне следовало сказать: «Наш величайший современный ученый». — согласился я. По существу, таково было и мое искреннее мнение.

Это сразу привело профессора в хорошее настроение.

— Мой дорогой друг, не думайте, что я слишком требователен. Но человек, окруженный, как я, сварливыми и тупыми коллегами, вынужден ставиться на свою собственную защиту. Самоутверждение чуждо моей натуре, но мне приходится отстаивать себя от бездарности. Присаживайтесь. Какова цель вашего посещения?

Надо было умело подойти к ней, ибо я знал, что достаточно малейшей неловкости, и лев снова зарычит.

Я вскрыл конверт.

— Можно мне, сэр, прочесть это письмо от издателя Мак-Эрдля?

— Припоминаю этого че-

ловека. Недурной образчик своей породы.

— Он, во всяком случае, глубоко восхищается вами и, нуждаясь в высококвалифицированном специалисте для расследования какого-либо вопроса, каждый раз неизменно обращается к вам.

— Что ему угодно? — Поддавшись на мою лесть, Чэлленджер напыжился, словно распустивший хвост павлин. Он уселся, положив локти на стол, сложил свои руки гориллы, выставил вперед бороду и благосклонно устремил на меня большие серые глаза.

— Я прочту вам эту записку. Вот что в ней говорится: «Дорогой Мэлуэн, пожалуйста, повидайте нашего высокоуважаемого друга профессора Чэлленджера и попросите его содействия в раскрытии следующих обстоятельств. Некий джентльмен по имени Теодор Немор, живущий в Хампстэде, утверждает, что он изобрел совершенно необычайную машину, способную разложить любой предмет, помещенный в сфере ее действия. Материя растворяется и переходит в молекулярное или атомное состояние. Путем обратного процесса ее можно собрать снова. Утверждение это кажется сумасбродным, однако есть веские доказательства тому, что оно имеет под собой и некоторые основания. По-видимому, этот человек действительно наткнулся на какое-то замечательное открытие. Мне нет надобности распространяться о том, какую революцию произведет такое изобретение в жизни человечества, ни об его огромном значении в качестве могущественного орудия вой-

ны. Страна, использующая силу, способную разложить на молекулы военной корабль или превратить хотя бы только на время целый батальон в собрание атомов, получила бы господство над всем миром. Следует, не теряя ни мгновения, проникнуть в суть этого дела. Теодор Немор ищет широкой огласки, так как стремится продать свое открытие. Поэтому нетрудно будет получить доступ к изобретателю. Прилагаемая мною карточка откроеет вам его двери. Мне бы хотелось, чтобы вы и профессор Чэлленджер навестили его, ознакомились с изобретением и написали обобщенный отчет о ценности этого открытия. Надеюсь сегодня вечером услышать о результате вашей поездки. Р. Мак-Эрдль».

— Вот полученные мною инструкции, профессор, — добавил я, складывая письмо. — Горячо надеюсь, что вы поедете со мной, так как я, с моими ограниченными способностями, едва ли смогу один разобраться в подобном вопросе.

— Верно, Мэлуэн! Верно! — замурлыкал великий человек. — Хотя вы и не лишены природного ума, но я согласен, что такая умственная нагрузка окажется вам несколько не под силу. Эти безобразные люди, звонившие по телефону, уже оторвали меня от работы, а потому новая помеха вряд ли будет иметь существенное значение. Я занят ответом этому итальянскому шуту Мазотти, взгляд которого на личиночное развитие тропических термитов вызывает у меня улыбку и презрение.

Но я могу отложить полное разоблачение этого шарлатана на вечер. А пока что я к вашим услугам.

Таким вот образом в то октябрьское утро я оказался вместе с профессором Чэлленджером в вагоне подземной дороги. Мы неслись в северную часть Лондона, навстречу, как потом оказалось, одному из самых странных приключений в моей жизни.

Прежде чем покинуть дом Чэлленджера, я удостоверился по телефону, что интересовавший нас человек дома, и предупредил его о нашем приезде. Он жил в комфортабельной квартире в Хампстеде и заставил нас дожидаться почти целых полчаса в приемной, в то время как сам вел оживленный разговор с группой посетителей. Наконец посетители прошли в переднюю и стали прощаться.

Входная дверь закрылась за нами, и в следующий момент Теодор Немор вошел в приемную. Я как сейчас вижу его, стоящего в лучах яркого солнца, потирающего длинные худощавые руки и разглядывающего нас умными желтыми глазами.

Это был толстый, небольшого роста человек. Непонятно почему казалось, что в его фигуре есть какой-то физический недостаток, — ну, словно горбун без горба. Его широкая расплывчатая физиономия напоминала недопеченный пирог; она была такого же цвета и такая же рыхлая и влажная; на этом бледном фоне четко выделялись украшавшие ее угри и

бородавки. Глаза у него были, как у кошки, а над обвисшими мокрыми, слюнявыми губами торчали кошачьи же, жидкие, длинные, топорщившиеся усы. Вся физиономия его имела вульгарный и отталявающий вид. Но над бровями начинался превосходной формы черепной свод, какой мне редко приходилось видеть. Даже шляпа самого Чэлленджера пришлось бы в пору на эту великолепную голову. Если, судя по нижней части лица, Теодор Немор производил впечатление злонамеренного, гнусного субъекта, то, судя по верхней, его можно было причислить к великим мировым мыслителям и философам.

— Итак, джентльмены, — заговорил он бархатным голосом, с едва уловимым иностранным акцентом, — насколько я понял из нашей короткой беседы по телефону, вы приехали подробно познакомиться с дезинтегратором Немора. Не так ли?

— Совершенно верно.

— Позвольте спросить, являетесь ли вы представителями британского правительства?

— Во все нет! Я — корреспондент, а это — профессор Чэлленджер.

— Весьма уважаемое имя. Имя европейского звучания! Желтые клыки его блеснули в услужливо-приятной улыбке.

— Я хотел только сказать, что британское правительство потеряло представлявшуюся ему возможность. А что конкретно оно обнаружит впоследствии? Возможно, что также и свое господство. Я готов был продать свое от-

крытие первому правительству, которое пойдет на мои денежные условия, и, если изобретение мое пошло уже в руки тех, к кому ваше правительство относится неодобрительно, кабинету министров остается винить самого себя.

— Так вы продали свой секрет? — живо спросил я.

— За назначенную мною цену.

— Значит, он известен не только вам, но и другим лицам?

— Нет, сэр, — он дотронулся до своего большого лба. — Вот сейф, в котором надежно заперт этот секрет. Сейф лучше всякого стального, а целость его обеспечивает нечто лучшее, чем самый хитроумный ключ. Одни лица, возможно, знают одну часть тайны, другие — другую. Но никто в мире, кроме меня, не знает всей ее совокупности.

— А те джентльмены, которым вы продали ее?

— Нет, сэр. Я не настолько безрассуден, чтобы пере-

дать мои познания прежде, чем мне выплатили их стоимость. Только тогда эти люди приобретают меня и перевозят сейф со всем его содержимым, — он снова хлопал себя по лбу, — куда пожелают. И я выполню мое обязательство. Честно и невзирая ни на что.

Он потер ладони, а его неизменная улыбка превратилась в злобный оскал.

— Простите меня, сэр, — загудел сидевший до сих пор в молчании Чэлленджер, на выразительном лице которого было написано крайнее неодобрение. — Прежде чем мы станем обсуждать ваше открытие, нам хотелось бы убедиться в самом наличии чего-то подлежащего обсуждению. У нас еще в памяти недавний случай с одним итальянцем, который предложил взрывать мины на расстоянии, а на поверку оказался злостным обманщиком. История зачастую повторяется! Прошу заметить, сэр, что я должен блюсти свою репутацию человека науки. Репутацию, которую вы были достаточно любезны охарактеризовать как европейски известную, хотя сам я имею все основания считать, что она не менее известна и в Америке. Предосторожность — необходимый атрибут науки, и, прежде чем мы сможем серьезно рассмотреть ваше утверждение, вы должны предъявить нам реальные доказательства.

Немор кинул на моего спутника злобный взгляд своих желтых глаз, но нарочито благодушная улыбка еще шире расплзлась на его физиономии.

— Вы оправдываете вашу

репутацию, профессор. Мне неизменно приходилось слышать, что вас невозможно обмануть. Я готов продемонстрировать перед вами действие моей машины. Демонстрация эта не может не убедить вас. Но прежде чем мы приступим к ней, я должен сказать несколько слов об общем принципе моего изобретения.

Имейте в виду, что опытная установка, которую я устроил здесь, в моей лаборатории, — всего лишь модель, хотя в своих пределах она действует великолепно. Так, например, не встретилось бы никакого затруднения разложить вас и снова соединить. Моя модель — не больше, чем научная игрушка. Только в том случае, если приложить ту же самую силу в крупном масштабе, можно будет достичь огромных практических результатов.

— Можно нам увидеть эту модель?

— Вы не только увидите ее, профессор, но и убедитесь в ее значении путем опыта над вашей собственной особой, если у вас хватит мужества подвергнуться ему.

— Если! — лев зарычал. — Ваше «если», сэр, звучит в высшей степени оскорбительно!

— Ну-ну! У меня не было намерения сомневаться в вашем мужестве. Я хочу только заметить, что предоставляю вам возможность проявить его. Но сначала скажу несколько слов о тех основных законах, на которых зиждется мое изобретение.

Некоторые кристаллические вещества, как, например, соль или сахар, если

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

опустить их в воду, растворяются и исчезают. Затем посредством выпаривания или каким-нибудь иным способом вы уменьшаете количество воды, и кристаллы появляются снова, становятся опять видимыми и такими же, как прежде. Поэтому весьма возможно представить себе такой процесс, благодаря которому вы, существо органическое, подобным образом растворитесь во вселенной, а затем путем хитроумного способа установления прежних условий окажетесь восстановленным.

— Эта аналогия неверна! — воскликнул Чэлленджер. — Если я даже сделаю такое чудовищное допущение, что наши молекулы могут быть рассеяны какой-то разъединяющей силой, почему они должны будут вновь соединиться в точно том же порядке, в каком были раньше?

— Веское возражение. Я могу лишь ответить, что они действительно так и соединяются. Все, до самого последнего атома. Существует

невидимый остов, и каждый кирпич падает на свое должное место. Вы можете улыбаться, профессор, но ваша недоверчивость вскоре сменится совсем иной эмоцией.

Чэлленджер пожал плечами.

— Мое время драгоценно, и, если нам предстоит увидеть демонстрацию вашего дезинтегратора, или как там его еще, я бы попросил перейти к ней без дальнейших церемоний.

— В таком случае будьте любезны последовать за мной, — ответил изобретатель.

Он повел нас вниз по лестнице, затем через садик, расположенный за домом. В садике стоял довольно большой флигель, который он отпер. Мы вошли.

Внутри флигеля оказалась большая выбеленная комната с бесчисленными медными проводами, свисавшими фестонами с потолка, и огромным магнитом, установленным на пьедестале. Перед ним было нечто, с виду похожее на стеклянную призму в три фута длиной и около фута в диаметре. Направо от призмы на оцинкованном возвышении стояло кресло, над которым был подвешен полированный медный колпак. К колпаку и к креслу тянулись провода. Слева виднелось подобие зубчатого колеса с нумерованными вырезами и обтянутой резиной рукояткой, торчавшей в вырезе, помеченном пулем.

— Дезинтегратор Немира, — проговорил странный человек, взмахом руки указывая на машину. — Это модель, которой суждено стать

знаменитой, ибо она изменит соотношение сил между нациями. Кто владеет ею — правит миром. Итак, профессор Чэлленджер, вы вели себя по отношению ко мне недостаточно вежливо и с некоторым неуважением. Не осмелитесь ли вы сесть в это кресло и не позволите ли мне продемонстрировать на вашей собственной личности свойства этой новой силы?

Чэлленджер обладал мужеством льва, и малейшее сомнение в этом тотчас же приводило его в ярость. Он кинулся к машине, но я схватил его за руку и удержал.

— Вы не сделаете этого! — сказал я. — Жизнь ваша слишком драгоценна! Это чудовищно! Где хоть какая-нибудь гарантия вашей безопасности? Наиболее родственному этому аппарату, когда-либо виденный мною, — электрический стул в Синг-Синге.

— Моя гарантия безопасности заключается в том, что вы являетесь свидетелем, и этот субъект наверняка будет по меньшей мере арестован за убийство, если со мной что-либо случится.

— Жалкое утешение для мира науки, если вы оставите неоконченной ту работу, которую никто, кроме вас, не может выполнить. По крайней мере позвольте мне попробовать первому, а затем, если опыт окажется безобидным, сами можете последовать моему примеру.

Личная опасность никогда не остановила бы Чэлленджера, но мысль, что научная работа может остаться незаконченной, сильно повлияла на него. Профессор заколебался, и, прежде чем он

успел принять то или иное решение, я метнулся вперед и вскочил в кресло. Изобретатель на моих глазах взялся за рукоятку. Послышалось какое-то щелканье, в глазах у меня все смешалось и затнулось пеленой. Когда зрение мое прояснилось, я увидел перед собой изобретателя все с той же отталкивающей улыбкой на лице, а через его плечо пристально глядел на меня Чэлленджер. С обычно румяных, как яблоко, щек профессора сбежала вся краска.

— Ну, продолжайте же! — сказал я.

— Все кончено! Вы великомерно соответствовали назначению моей машины, — ответил Немор. — Сойдите, а профессор Чэлленджер, без сомнения, с готовностью воспользуется своей очередью.

Никогда я еще не видел моего старого друга в таком смятении. Железные нервы на момент совершенно изменили ему. Дрожащей рукой он ухватился за мое плечо.

— Это правда, Мэлоун! — произнес он. — Вы исчезли. В этом нет никакого сомнения. На миг возник туман, а потом пустота!

— Как долго я отсутствовал?

— Две-три минуты. Признаюсь, я ужаснулся. Не мог себе представить, что вы обратитесь. Затем он щелкнул этим рычагом, если только это рычаг, перевел его на другой вырез, и вы вновь оказались в кресле, слегка изумленный, но в остальном такой же, как всегда. При виде вас я возблагодарил небо! — он отер влажный лоб большим красным носовым платком.

— Пожалуйста, сэр! — сказал изобретатель. — Или, может быть, вам изменяет мужество?

Чэлленджер с явным усилием овладел собой. Потом, отведя в сторону мою протестующую руку, уселся в кресло. Рукоятка, щелкнув, переместилась на номер третий. Чэлленджер исчез.

Я ужаснулся бы, если бы не полное хладнокровие человека, управлявшего машиной.

— Интересный процесс, не правда ли? — заметил он. — Принимая во внимание устрашающую индивидуальность профессора, странно подумать, что сейчас он — молекулярное облако, повисшее в какой-то части этого здания. Теперь он, конечно, всецело в моей власти. Если я предпочту оставить его в разобранном на атомы виде, ничто на свете не помешает мне это сделать!

— Я очень скоро нашел бы способ убедить вас в обратном.

Улыбка опять превратилась в злобный оскал.

— Неужели вы воображаете, что подобная мысль вообще могла прийти мне в голову? Подумать только, растворение великого профессора Чэлленджера! Ужасно! Ужасно! Но вместе с тем он был менее вежлив, чем следовало бы. Не думаете ли вы, что небольшой урок...

— Нет, не думаю.

— Хорошо, назовем это курьезом демонстрации. Скажем, нечто такое, что даст материал для интересной заметки в вашей газете. Так, например, я открыл, что волосы, обладающие совершенно иной вибрацией, чем жи-

вые органические ткани, можно по желанию включать в процесс разложения и обратного соединения или же выключать из него. Было бы интересно поглядеть на медведя без шерсти.

Новое щелканье рычага. Мгновение спустя Чэлленджер вновь восседал в кресле. Но что за Чэлленджер! Остриженный лев! Разозлившись при виде сыгранной с ним шутки, я все же едва удерживался от хохота. Огромная голова его стала лысой, как у младенца, а подбородок — гладким, как у девушки. Теперь, когда он лишился своей величественной черной гривы, на нижней части его лица выпирали вперед челюсти, и великий профессор стал похож на старого бойца-гладиатора, избитого и распухшего, с челюстью бульдога над массивным подбородком.

Было ли этому причиной выражение наших лиц — не сомневаюсь, что гнусная усмешка изобретателя стала еще шире при виде этого зрелища, — или что-либо другое, но рука Чэлленджера взметнулась к голове, и он осознал свой позор. В следующий миг он выпрыгнул из кресла, схватил изобретателя за горло и повалил его. Зная непомерную силу Чэлленджера, я был убежден, что шутнику пришел конец.

— Ради бога, будьте осторожней! Если вы убьете его, никто не сможет вам помочь! — закричал я.

Довод этот подействовал. Даже в самые сумасшедшие моменты Чэлленджер всегда прислушивался к голосу рассудка. Он вскочил на ноги, потянул за собой дрожащего изобретателя.

— Даю вам пять минут! — произнес он, задыхаясь от ярости. — Если через эти пять минут я не стану таким, каким был, я вытряхну всю жизнь из вашего негодного, жалкого тела!

Спорить с разъяренным Чэлленджером было небезопасно. Самый мужественный человек в страхе попятился бы от него, а ничто не указывало на то, что мистер Немор отличался особой смелостью. Напротив, его угри и бородавки становились куда более приметными по мере того, как физиономия постепенно меняла свою окраску — от цвета оконной замазки, что было для нее нормальным, до цвета рыбьих внутренностей. Руки и ноги у него дрожали, и он с трудом мог шевелить губами.

— В самом деле, профессор, — пролепетал он, держась рукой за горло, — это касилне совершенно излишне. Я хотел лишь продемонстрировать решительно все свойства машины. У меня и в мыслях не было оскорбить вас.

Вместо ответа Чэлленджер снова влез в кресло.

— Вы будете присматривать за ним, Мэлоун. Не позволяйте ему никаких вольностей!

— Я позабочусь об этом, сэр!

Перепуганный изобретатель приблизился к своей машине, включил соединяющую молекулы энергию, и старый лев со спутанной гривой предстал перед нами. Любовно погладил бороду и провел рукой по черепу, желая наверняка убедиться в своей полной реставрации. Затем торжествен-

но спустился со своего на-
сеста.

— Вы позволили себе, сэр, вольность, которая могла бы иметь для вас самого весьма пагубные последствия. Как бы там ни было, я готов удовольствоваться вашим объяснением. А теперь я хочу задать несколько прямых вопросов об этой замечательной силе, открытие которой вы себе приписываете.

— Я охотно отвечу вам на все, кроме указания источника данной силы. Это мой секрет.

— Вы серьезно говорите, что, кроме вас, никто в мире не знает его?

— Никто не имеет о нем ни малейшего понятия.

— Вот как! Это крайне интересно. Вы удовлетворили мою любознательность о реальности этой силы, но я все же не догадываюсь, какковы могут быть ее практические результаты.

— Я уже пояснял вам, сэр, что это модель. Но нетрудно соорудить такую же установку в крупном масштабе. Вам, надеюсь, понятно, что этот прибор действует в вертикальном направлении? Определенные токи, проходящие над вами, и другие токи, проходящие под вами, вызывают вибрации, либо разлагающие, либо соединяющие вас. Но процесс может происходить и в горизонтальном направлении и давать те же результаты, охватывая пространство, пропорциональное силе тока.

— Приведите пример!

— Предположим, что первый полюс находится на одном небольшом судне, а второй — на другом. Боевой корабль, попавший между ними, просто исчез бы, расправ-

шись на молекулы. Так же исчезла бы и колонна войск. Вы даже не учитываете сейчас полностью всех возможностей... если только вложить эту силу в способные руки, не боящиеся пустить в ход оружие, которым они владеют. Возможности эти неизмеримы. — По физиономии его пробежала зловрадная улыбка. — Представьте квартал большого города, где воздвигнуты такие машины. Вообразите себе воздействие такого тока в подобном масштабе, достичь которого во все нетрудно. Да что говорить, — он расхохотался, — я могу представить себе целую страну, опустошенную дотла, настолько, что из всех кишащих там миллионов не осталось в живых ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка!

Ужас объял меня при этих словах, а еще больше от ликующего выражения, с каким они были произнесены. Однако на моего слутника они произвели, по-видимому, совершенно иное впечатление. К моему удивлению, профессор улыбнулся и протянул изобретателю руку.

— Итак, мистер Немор, следует вас поздравить, — сказал Чэлленджер. — Вы напали на замечательное свойство природы, которое вам удалось обуздать и заставить служить человечеству. То, что применение его несет в себе разрушение, без сомнения, крайне огорчительно, но наука не знает такого рода различий, а следует за познанием, куда бы оно ни привело ее. Полагаю, вы не будете возражать против того, чтобы я осмотрел конструкцию машины?

— Отнюдь нет. Машина — всего лишь тело. А душу ее, оживляющий ее принцип, вы не сумеете уловить.

— Совершенно верно. Но даже один механизм представляется мне образцом изобретательности.

В течение некоторого времени Чэлленджер обходил машину со всех сторон и притрагиваясь к ее отдельным частям. Потом грузно уселся в выключенное кресло.

— Не угодно ли вам совершить еще одну экскурсию во вселенную? — спросил изобретатель.

— Позже, может быть, позже. Сейчас же мне кажется, что тут происходит какая-то утечка электричества. Я отчетливо чувствую, как через меня проходит слабый ток.

— Это невозможно. Кресло выключено.

— Но уверяю вас, что я чувствую утечку.

Чэлленджер сошел с возвышения. Изобретатель поспешил занять его место.

— Я ничего не чувствую.

— Разве у вас вдоль спины не пробегает ток?

— Нет, сэр, не замечаю.

Раздалось резкое щелканье, и мистер Немор исчез. Пораженный, я взглянул на Чэлленджера.

— Милосердное небо! Вы дотронулись до машины, профессор?

Он благосклонно улыбнулся мне с видом снисходительного удивления.

— Вот так так! Возможно, я по рассеянности коснулся рукоятки, — сказал он. — С несовершенной моделью всегда возможны всякие неприятные случайности такого рода. Этот рычаг, не-

сомненно, следовало бы тщательно блокировать.

— Он стоит на номере три. Это вырез, при котором производится разложение.

— Я заметил это во время произведенного опыта пад вами.

— А я был так взволнован, когда Немор вернул вас обратно, что не рассмотрел, на какой именно вырез надо поставить рычаг, чтобы произошло возвращение. А вы заметили?

— Может быть, и заметил, мой юный друг, но я не отягощаю свой мозг малозначащими подробностями. Тут много вырезов, и мы не знаем их назначения. Мы можем ухудшить дело, если станем экспериментировать над неизвестными нам машинами. Может быть, лучше оставить все так, как оно есть?..

— И вы хотите...

— Вот именно. Так лучше. Занимательная личность мистера Теодора Немора развевалась по вселенной, машина его потеряла всякую ценность, а купившие его секрет лишены познаний, при помощи которых можно было натворить много бед. Неплохой результат нашей сегодняшней поездки, мой юный друг! Ваш шеф, без сомнения, получит интересный столбец о необъяснимом исчезновении одного изобретателя, случившемся вскоре после посещения его специальным корреспондентом своей газеты. Эксперимент этот доставил мне немалое удовольствие. Такие веселые минуты скрашивают серую рутину повседневности. Но наравне с удовольствиями в жизни есть и обязанности, и мне надо вернуться к италья-

яицу Мазотти и его абсурдным взглядам на личиное развитие тронических термитов.

Я оглянулся. Мне показалось, что легкая маслянистая туманность все еще витала вокруг кресла.

— Но ведь... — начал я.

— Долг человека науки —

предупреждать использование научных открытий во зло человечеству, — сказал профессор Чэлленджер. — Так я и поступил. Довольно, Мэлоун, довольно! Тема эта не вызывает возражений. Она и так уже чересчур долго отвлекала мои мысли от более важных вопросов.

